

A detailed illustration of a young man with dark, wavy hair, wearing a dark blue, ornate, high-collared coat over a white shirt and a dark vest. He is holding a glowing, golden orb in his right hand and a small green book in his left. The background is a library with bookshelves, a window with a view of a forest, and several lit candles on a table. The scene is filled with magical, ethereal light effects in shades of blue and purple.

Илья СОЛОМЕННЫЙ

ХРОНИКИ
КНИЖНИКА

— 1 —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Соломенный
Хроники Книжника
Серия «Хроники Книжника», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69309718

SelfPub; 2024

Аннотация

Попал по полной – так думал Дэн, когда из-за неудачного эксперимента перенесся из нашего мира... Куда-то в другой конец вселенной. Здесь магия – точная наука, которую нужно зубрить, учить и почитать. Орки, эльфы и гномы – вполне реальные расы, которые постоянно конфликтуют между собой. А человек с фотографической памятью может добиться немалых успехов. Конечно, если его не прихлопнут в первое время.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Илья Соломенный

Хроники Книжника

Друзья, у меня прекрасные новости – "Хроники Книжника" выходят в отличном бумажном издании! Уже открыт предзаказ на первую книгу – <https://book24.ru/r/gVTcQ> (Скидка 18%)

В связи с этим я объявляю акцию!

Все, кто оформит предзаказ бумажного "Книжника" – получают ТРИ любых моих книги совершенно бесплатно! В виде промокода или отдельного файла – как удобнее!

Для этого нужно всего лишь прислать скрин с оплатой в личные сообщения группы ВК или Телеграм

1 – <https://vk.com/bestfantasyworld>

2 – <https://t.me/bestfantasyworld>

Спасибо за внимание и поддержку!)

Глава 1

Сейчас

Я бежал так, как никогда в жизни. И плевать, что на ногах были не спортивные кроссовки, а какие-то жалкие кожаные обмотки. Под ними – не асфальтированная дорожка, а бурелом, острые ветки, камни. Этот бег был чем угодно, но не тренировкой. Скорее – забегом на выживание.

Впрочем, так и было. Вот уже полчаса за мной гнались эти ублюдские выродки, наемники Черного Пса. Кто ему такое прозвище дал, хотел бы я знать?

На секунду отвлекшись от бега, я чуть было не впечатался в здоровенную сосну и лишь в последний момент умудрился обогнуть ее. Правда, ничем хорошим это не кончилось – я зацепился ногой за торчащий из земли корень, кувыркнулся через голову и полетел под откос холма, на который с таким трудом забирался в последние минуты. А куда было деваться?! Только тут были деревья, которые не давали наемникам нашпиговать меня стрелами. Эти мрази всё время дышали мне в затылок – я слышал их крики и лошадиное ржание за спиной. Слава богу, у них не было собак, иначе я бы не ушел так далеко.

Кубарем скатившись в ложбину меж двух холмов, я попытался вскочить, но поскользнулся на мокрых камнях и со всего размаху саданулся головой об один из них. Во все стороны брызнула вода, я заматерился всеми бранными словами, какие знал. Лоб моментально взорвался адской вспышкой боли, и я почувствовал, как по лицу струится кровь. Мне уже ничего не хотелось – просто лечь, и сдохнуть прямо здесь, лишь бы от меня отстали. Только вот я знал, что преследующие меня ублюдки умереть мне не дадут ни в каком случае.

Стоп, какая еще вода? Я отер заливавшую правый глаз густую жидкость и оглянулся. Удивительно – как это я не за-

метил реки, текущей так близко от маршрута моего бегства? Сбежать по ней было бы гораздо проще!

Обрадованный своим открытием я сунулся было в воду, но снова разразился матом, едва только ступил в нее. Речушка оказалась нереально холодной. Я прекрасно понимал, что проведя в ней минут десять-пятнадцать, выплыть уже не смогу – конечности просто сведет судорогой. И это мне еще повезет. Скорее всего, бешено стучащее сердце, работающее на пределе, попросту остановится, когда разгоряченное бегом тело окажется в этой спасительной ледяной воде. Я сел прямо на мокрые камни и попытался решить – что делать дальше.

Неожиданно в паре метров от меня о камне чиркнула стрела с черным оперением, и тут же скрылась в реке. Я резко обернулся, и увидел как по склону холма, ухмыляясь, спускаются четверо. Сам Черный Пес с огромным бастардом на плече, его подпевала Бассет, держащий в руках лук, и еще двое с мечами. Их имен я не запомнил. Наемники не торопились – они прекрасно понимали, что загнали «дичь», и бежать дальше у меня просто не осталось сил. В крайнем случае, Бассет пробьет мне ногу второй стрелой – он уже наложил ее на тетиву, и еще одна была у него в зубах.

– Ну что, добегался? – уточнил один из двух безымянных наемников. Будто без его вопроса этого было не понять.

– Давай по хорошему, красавчик, – попросил Пес, приближаясь ко мне еще на пару метров, – Предлагаю тебе вый-

ти из этой холодной реки, и мы вернемся в лагерь. Возможно, дадим тебе поесть, а я даже не стану тебя бить. Сильно, – закончил он, и его свита заржала. Я, в ответ на это предложение, зарычал, как собака. Неужели здесь у всех такое ту-порылое чувство юмора?

Наемники, услышав звуки, которые я издаю, заржали еще сильнее.

– Ты посмотри, – вынув стрелу изо рта, сказал Бассет, – а парень-то, похоже, хочет к нам в отряд.

– Если только в качестве вьючного мула, – поддержал его один из безымянных.

– А что, я не против! – с важным видом кивнул Пёс.

Наемники снова глумливо засмеялись, ну а я со всей ясностью понял – терять уже нечего. Ставить свою жизнь на кон – не в моих правилах. Нашарив за спиной небольшой гладкий камень, я крепко сжал его онемевшими пальцами и кивнул:

– Ладно, ладно, я сдаюсь! Только... не бейте...

Наемники покатались со смеху, а улыбающийся Бассет, опустил лук и ослабил натяг тетивы. А потом без всякой опаски начал подходить ко мне. Это он зря, конечно.

Среди всех этих придурков заметить бросок сумел разве что Пёс, но это уже ничего не меняло. Когда между мной и лучником осталось всего метра три-четыре, я встал, и резким движением (никогда не играли в лапту?) метнул круглый камень прямо в голову рябого ублюдка с луком.

Я успел заметить в его глазах проблеск удивления, а потом услышал мерзкий хруст, с которым мой импровизированный снаряд проломил ему лицевую кость. Во все стороны брызнула кровь, а Бассет, завопив тонким фальцетом, как девка, рухнул на камни, не дойдя до меня совсем немного.

Сказать, что его друзья были ошарашены – не сказать ничего. Трое наемников замерли буквально на секунду, но за это время я уже принял решение. Развернувшись, в три широких прыжка оказался на достаточной глубине и, вдохнув побольше воздуха, нырнул в ледяную реку.

* * *

Тогда

Утро было обалденным. Ну а каким оно еще может быть, когда ты просыпаешься не от будильника, а от действий своей подружки под одеялом? Когда серая хмарь сна отступила, и я понял, что Лена (или Света?) твердо намерена развлечься перед завтраком – не стал сопротивляться и отдался наслаждению целиком. Впрочем, ее очаровательное личико достаточно быстро оказалось на одном уровне с моим.

– Не делай вид, что спишь, – промурлыкала она, – или думаешь, что я не заметила, что ты уже пять минут наблюдаешь за мной?

– И не думал даже, – засмеялся я, и мы продолжили.

Спустя какое-то время, позавтракав, я выпроводил ночную спутницу в фойе (умудрившись ни разу не назвать ее по имени), вызвал ей такси и клятвенно пообещав позвонить

вечером, вернулся к себе в квартиру. Упав на диван, я включил телевизор, желая только одного – досмотреть последнюю серию «Детектива Валентайна», которая вышла вчера. Только звонок Макса, вытащившего меня в клуб, не позволил сделать мне этого сразу. Впрочем, я тут же вспомнил о миниатюрной блондинке, с которой сегодня проснулся, и понял, что не могу жаловаться на ситуацию – вечер (а также ночь и утро) однозначно удался.

Но стоило только мне устроиться поудобнее, как зазвонил смартфон. На экране высветилась фотография моего безумного друга – на ней он пытался одновременно выпить два коктейля рядом, устряпавшись по самое никуда. Отличный кадр.

– Помянешь черта, и он тут же объявится, – усмехнулся я в трубку, отвечая на звонок.

– Дэн, привет! – взорвалась трубка. Я отодвинул ее от уха, а подумав, и вовсе решил включить громкую связь, бросив смартфон на журнальный столик.

– Как тебе удастся все время оставаться таким бодрым? Если мне не изменяет память, ты вчера еще остался в клубе, когда я уезжал?

– А, делов-то, – ответил друг, – шесть часов сна – и я как огурчик, как обычно!

– Чего звонишь в такую рань, огурчик? Сегодня выходной.

– Ты хоть помнишь, что мы вчера договаривались встре-

тяться?

Черт, точно! Я совсем забыл, что накануне Макс позвал меня обсудить какое-то важное дело. Только вот после крепкого алкоголя и знакомства с девчонками его детали как то... выветрились у меня из головы.

– Напомни, по какому поводу?

– Ну ты даешь! – рассмеялся Макс, – Сегодня на наш завод приезжают китайцы. Ты обещал заменить Федю!

Теперь всё встало на свои места. Федя наш старый друг и по совместительству – переводчик на работе Макса. Последний хоть и был раздолбаем по жизни, но работа у него была весьма ответственная. После нефтяного кризиса 20-х годов его отец умудрился разработать и запатентовать реактор, который мог генерировать невероятное количество энергии. А юный (в то время) Макс смог придумать, как наладить продажу этих устройств по всему миру. Так что некоторое время семья Кораблевых, фактически, была монополистом в энергетической сфере нашей страны. Вплоть до того момента, пока наше, горячо любимое всеми, правительство не сказало: «А давайте, вы будете работать на нас? А мы за это вам ничего не сделаем».

Но надо признать – перейдя под государственное крылышко, дела у Макса и его семьи пошли еще лучше. Так что со временем мой друг стал большим начальником – в таком-то возрасте это было действительно неплохим достижением. Особенно учитывая, что с момента изобретения реак-

тора и до сегодняшнего дня не прошло и десяти лет.

Я же был профессиональным переводчиком. Знать восемь языков в совершенстве – это вам не шутка! Правда, тут надо заметить, что запоминать все это для меня было невероятно легко – я обладал фотографической памятью, и еще каким-то савантным отклонением. Вместе две эти особенности позволяли мне с легкостью запоминать любое количество слов, текста, речевых связок – да всего, чего только душа пожелает. Правда, с фантазией и у меня и у мамы, растившей меня в одиночку, были большие проблемы. Поэтому придумать, как использовать столь необычный дар мы толком не смогли.

Фактически, единственным вариантом было стать переводчиком – что я и сделал, с легкостью завершив пятилетний курс университета за два года. Работа у меня был всегда, и ее было действительно много – я мог выбирать то, что мне нравится. Проблема была в том, что я не знал – что мне нравится, а что нет. Для меня всё было одинаковым – переводы книг, игр, деловые переговоры, техническая документация. Что угодно вызывало у меня зевоту спустя пять-шесть раз, как я занимался этим.

Именно поэтому предложение Макса заменить Федю, свалившегося с гриппом накануне важных переговоров, я встретил с энтузиазмом. Посмотреть на эти мини-реакторы мне хотелось уже давно, да все руки (ноги?) не доходили, а тут такой случай.

Поняв, что узнать развязку любимого сериала у меня сейчас не получится, я вырубил телек. Пообещав другу, что скоро приеду на завод, я пошел переодеваться.

Добраться в субботнее утро до работы Макса не составило никакого труда. Совсем недавно я купил себе новенькое спортивное купе от «Ауди», так что, вырулив на МКАД, решил, как говорил мой покойный папа, «дать ему пробздеться как следует». Выражения у него были своеобразные, знаю, но что поделать? Детство в деревне не способствует тонкой душевной организации.

Завод, на который меня позвал друг, находился всего в паре десятков километров от столицы, так что на парковку перед проходной я вырулил еще до обеда. Удивительно, но здесь, похоже, совсем не знали – что такое «выходной». Огромная территория была заставлена автомобилями, так что мне пришлось покрутиться, прежде чем я нашел место, где можно припарковаться.

В холле массивного здания меня уже ждал друг. Мы поздоровались, и он сходу вручил мне пластиковый пропуск-бейдж, который я прикрепил на лацкан пиджака.

– Ну и где твои китайцы? – поинтересовался я, разглядывая интерьер помещения.

– Скоро будут. Отец устраивает им экскурсию по городу, – Макс бросил взгляд на свои дорогие наручные часы, – через несколько минут они должны закончить. Думаю, у нас есть около получаса. Устроить тебе экскурсию?

– Конечно!

– Пойдем, – друг вскочил с кожаного дивана и поманил меня за собой.

Мы миновали длинный, засаженный зеленью стеклянный коридор, ведущий в дальнюю часть завода. Он был протянут на уровне второго этажа, и пока мы шли, было прекрасно видно, чем занимаются рабочие в цехах.

– Здесь у нас производственный отдел, – вещал Макс, – всё, что ты видишь – несколько закрытых цехов для постройки устройств.

– Ты говорил, что это «мини-реакторы», – заметил я, кивая вниз. Как раз в этот момент кран-балка подтягивала огромную катушку к еще какой-то хрени. Вокруг нее копошились десятки людей.

– Так и есть, – засмеялся друг, – А ты что, думал, что они будут размером с автомобильный аккумулятор? Ты хоть представляешь размеры современных энергетических комплексов?

– Честно говоря, не очень, – признался я.

– Это километры и километры технического совершенства, – объяснил друг, – а мы умудрились впихнуть всю эту мощь в устройство, размером с «Камаз», – он покачал головой, – Сколько лет мы знакомы? Ты действительно до сих пор не знаешь, чем мы тут занимаемся?

– Знаю, конечно! – Я попытался отбиться, – Просто никогда не вдавался в детали. Мне это... ну...

– Никогда не было интересно? – закончил за меня Макс.

– Не обижайся, – улыбнулся я, – Ты же знаешь, меня мало что интересует по-настоящему.

– Ничего, если быть более точным, – усмехнулся друг, – Да не парься, я просто подкальываю. Понимаю, что человека без технического образования могут впечатлить разве что размеры производства. Но у нас есть и более закрытые для посторонних глаз отделы.

– И что происходит там?

– О, там, мой друг, ты увидишь настоящее волшебство. Пойдем.

Мы свернули в одно из ответвлений стеклянного коридора и вскоре оказались возле дверей лифта. Макс провел своим бэйджем по сенсорной панели, и двери тут же открылись.

Кабина отнесла нас вниз – достаточно глубоко, если судить по времени, которое мы провели ней, и скорости, которую трудно было не ощутить. Когда двери открылись, нас встретило лишь мягкое синее сияние закрепленных под толком светильников.

Мы прошли по короткому коридору и оказались в небольшом помещении, заставленном электроникой. Вся дальняя от нас стена представляла собой одно огромное окно, которое выходило... Даже не знаю, как назвать то, что я увидел за ним. Это был, судя по всему, это тоже был какой-то реактор. Огромная цилиндрическая форма, перемежающаяся светящимися ободами. Вокруг нее не было ничего, но вот сам ци-

линдр... Мерцал мягким светом – синим, фиолетовым, охряным, красным и мягким белым. Освещение реактора постоянно менялось, а вокруг него прямо в воздухе, то там, то тут, появлялись сгустки светящихся флуктуаций, которые постоянно меняли свое положение.

Завороженный увиденным, я подошел ближе к стеклу, и уставился на это светопреставление. Подобного я и правда не видел никогда.

– Добрый день, Антон Павлович, – Макс поздоровался с единственным мужчиной в белом халате, сидящим в углу помещения. Тот будто бы не заметил нашего появления, продолжая пялиться сразу в три огромных монитора.

– Добрый, добрый, – пробормотал он, с дичайшей скоростью работая на клавиатуре.

– Как ваши успехи сегодня?

– Кажется, мы добились нового уровня компрессии, Максим Александрович, – ответил мужчина, – Только стабильности никакой.

– В каком смысле? – уточнил Макс.

– Как только начинается разгон ускорителя – частицы начинают массированную бомбардировку ядра.

– И с чем это связано?

– Понятия не имею! – мужчина, наконец, отвлекся от мониторов и обратил внимание на меня, – О, простите, я не заметил, что у нас посетитель!

– Ничего страшного, – улыбнулся я, протягивая ему ру-

ку, – Меня зовут Денис.

– Антон Павлович, – представился тот, и уточнил, – Вы физик?

– О нет, – я улыбнулся, – Переводчик. Максим любезно согласился устроить мне экскурсию по вашему предприятию.

– Ясно, – было заметно, что ученый сразу-же утратил ко мне всякий интерес.

Я вновь подошел к стеклу, не решаясь быть назойливым. Изумительной красоты всполохи света приковывали мое внимание. Вот бы занять такие штуки в квартире в качестве освещения!

– Антон Павлович, проверка ускорителя завершена, – неожиданно откуда-то сверху раздался женский голос. Я заозирался, а Макс прыснул со смеху.

– Не пугайся, дружище. Это Алёна, наш ИскИн, – пояснил он.

– У вас есть собственный ИскИн? – удивился я. Это действительно была новость. Насколько я знал, подобные вещи использовались лишь на редких предприятиях, и в очень ограниченном количестве. С чем это было связано – понятия не имею, но сам факт, что мой друг (точнее – его отец) имел возможность установить такую штуку на этом заводе, говорил о многом. О том, что мне очень повезло с таким знакомством, например.

– Конечно. Ты просто не представляешь, какие расчеты

приходится здесь проводить. Впрочем, и я слабо это представляю, все-таки мое дело – продажи.

– Как тебя вообще пускают сюда?

– Ну, я ведь сын владельца, – усмехнулся Макс, – Не парься, никто тебя не осудит за нахождение здесь, – он повернулся к физику, – Антон Павлович, покажете моему другу пару заклинаний? Я обещал ему невероятное зрелище.

– С удовольствием, – откликнулся тот, – Как раз и узнаем, насколько точный расчет произвела Алёна для нового уровня компрессии. Молодой человек, – обратился он ко мне, – прошу внимания на реактор.

Мы с Максом подошли к стеклу. Физик некоторое время возился с панелями управления реактором, а затем я потерял дар речи.

Если вы когда-нибудь представляли застывшую в воздухе молнию, то поймете, что я увидел. Реактор в мгновение ока превратился в огромное электрическое дерево – от него во все стороны прямо на моих глазах начали формироваться тысячи разрядов разного цвета. Одни были толще, другие – совсем тоненькие. Между ними повисли крохотные шарики непонятной субстанции, а помещение, в котором мы стояли, залил мягкий свет.

– Обалдеть, – прошептал я. На этот раз Макс ничего не сказал – он также был заворожен увиденным.

В следующее мгновение все это великолепие пришло в движение – наверное, Антон Павлович поменял параметры.

Разряды начали крутиться – сначала медленно, потом быстрее и быстрее. Теперь помещение реактора было заполнено размытым светящимся пятном.

– Внимание! Опасность перегрева реактора! Срочно покиньте помещение!

Звук сирен и предупреждение ударили меня по ушам, выводя из транса. Я тряхнул головой и повернулся к Максy. Он был бледен, а в свете реактора и вовсе напоминал мертвеца.

– В чем дело?

– Уходим отсюда, живо! – друг ничего не ответил, толкнув меня к выходу. Я не стал сопротивляться.

Макс повернулся к физику, все также сидящим за приборной панелью и попытался вывести его, но тот лишь замахал руками и что-то крикнул моему другу. Вокруг нарастал невыносимый гул, который очень сильно давил на уши, и я не слышал ничего из того, что мой друг говорил. Тот оставил попытки уговорить ученого и подскочил ко мне:

– Ходу! – скомандовал он, и провел бэйджем по сенсорной панели. Ничего не произошло.

– Блять, блять, блять! – выругался он, и попробовал еще раз – никакого эффекта.

У меня в горле встал ком. Я повернулся к стеклу и увидел, как огромное щупальце, свитое из электрических (или каких там?) разрядов подобралось к нему. Затем, словно попробовав на прочность единственное, что нас отделяло от ректора, ткнулось в него – раз, другой. А потом с силой уда-

рило, и стекло разлетелось на миллион осколков. Физик и Макс упали на пол, а я, как дурак, остался стоять. Меня сковал страх, и последнее, что я запомнил – как энергетическая плеть приближается к моему лицу.

Глава 2

Чуть позже чем тогда, но чуть раньше, чем сейчас

Вы когда-нибудь просыпались от холода? Не легкого дискомфорта, который бывает, когда выставишь кондиционер в комнате на пару градусов ниже, а от лютого мороза. Когда кажется что еще чуть-чуть – и конечности попросту отвалятся? Такое могут представить разве что заядлые походники, которые треть жизни провели в горах, но никак не человек, всю жизнь проживший в городе.

Я в походы никогда не ходил, поэтому не представлял. До настоящего момента. Сон исчез разом. Не как обычно, урывками – еще мгновение назад я спал и вот уже лежу на сырой земле, шипя от холода. Стоп, на какой еще земле?!

Я попытался встать, но все тело сковала жуткая судорога, и я застонал. Что, блин, происходит?! Я заметил, что действительно лежу на земле, от которой ощутимо тянуло холодом. Более того – я был совершенно голый! Что за нахер?!

Кое-как растерев руки друг о друга, я принялся за ноги. Надо было разогнать кровь, иначе можно довести дело до ампутации. К счастью, спустя минут пятнадцать я почувствовал, что ломота слегка отступила и я решился встать на ноги.

Оглядевшись, я понял, что нахожусь где-то... Где? Этого я не знал. Под ногами – сырая земля. Справа – плоская, как блин, равнина. Над горизонтом вставал огненно-крас-

ный шар, подсвечивая верхушки высоченных елей по левую руку. На небе – ни облачка, лишь виднелись звезды, еще не успевшие спрятаться перед рассветом. Хм. Рассвет. Это что, я почти сутки провалялся без сознания? Но тогда как я оказался на природе? Кому взбрело в голову отвезти меня из лаборатории сюда? Бред какой-то.

Я попрыгал, потом поприседал, разгоняя кровь. Вроде бы немного согрелся. Нужно было решать – что делать? Честно говоря, в голове у меня царил полный сумбур. Я попытался вспомнить – может быть, были какие-то вспышки, проблески сознания после той аварии возле реактора? Но нет, последнее, что я помнил – странный энергетический луч, тянувшийся к моему лицу.

Машинально проведя ладонью по физиономии, я убедился, что она цела. Даже короткая щетина на месте. Осмотрев тело, я не обнаружил ни ожогов, ни других изменений. Странно. По логике вещей, я однозначно должен был умереть. Хрен его знает, что там за энергию вырабатывал этот реактор, но даже если бы это было обыкновенное электричество, разряд такой мощности испепелил бы меня на месте.

А может быть... Невероятная мысль посетила меня, и тут же накрепко засела в мозгу. Может быть, я уже мертв? Потому и без одежды. Да нет, глупости. При моем образе жизни я наверняка должен был попасть в ад, а уж никак не на опушку елового леса. Хотя кто знает – что происходит после смерти?

Впрочем, мысли о загробном мире я отмел достаточно

скоро – как только живот заурчал, выпрашивая еду. Да, признаюсь честно – жрать хотелось просто невыносимо. И пить. И мне нужна была одежда – я снова начал замерзать.

Решив, что сидеть на месте и предаваться размышлениям о своем положении можно бесконечно долго, а еда, вода и штаны сами не появятся, я решил пойти. Куда – пока было неясно. С одной стороны – степь, в которой мне ловить точно нечего. С другой – лес, в котором хрен знает, какие звери водятся. Может статься, что их завтраком стану я сам. Поэтому я выбрал средний вариант – буду идти по кромке леса, пока не найду что-нибудь. Для начала – желательно воду, а там видно будет.

Теперь оставалось выбрать направление, но и тут я заморачиваться не стал, трезво рассудив, что разницы никакой. Я понятия не имел, где оказался, а соответственно – не мог сориентироваться на местности. Так что просто пошел так, чтобы восток был по левую руку.

Честно говоря, в голову лезли всякие мысли – я, например, регулярно задумывался о том, почему оказался возле этого леса голым. На ум приходила лишь не самая удачная часть «Терминатора», в которой объяснялось, почему в одежде нельзя лезть в телепорт, но так как фильм мне вообще не зашел, ориентироваться на это объяснение я не стал. С другой стороны – было очевидно, что я все-таки не в загробном мире – ощущения (холод и голод, острые камни под босыми ногами) и эмоции (дикий страх поначалу, например)

были весьма реальные. А значит – я просто оказался в другом месте. Телепортация, хм. Какой бред, кому расскажи – не поверят.

Я уныло брел вдоль леса и вертел головой. Пейзаж не менялся от слова совсем – та же степь, те же ёлки. Не знаю, сколько я прошагал, но через какое-то время солнце поднялось достаточно высоко и я, наконец, согрелся достаточно, чтобы перестать стучать зубами. Иногда меня окутывали порывы теплого ветра, и это было приятно, но ближе к полудню я все острее и острее начал чувствовать голод и особенно сильно – жажду. Нужно было срочно что-то предпринимать, иначе я рисковал загнуться от истощения.

Решив, что ничего страшного со мной не случится, если слегка углубиться в лес, я приблизился к высоченным деревьям. Они действительно были огромные – метров по сорок-пятьдесят, наверное. В жизни не видел таких ёлок. Да и вообще – деревьев подобного размера. Осмотревшись и не заметив ничего необычного, я шагнул в тень этого реликтового бора.

Под ногами приятно поскрипывали прошлогодние иголки. Идти по ним было гораздо приятнее, чем по голой земле и я мысленно обругал себя за то, что не догадался пойти здесь раньше. Солнце не пекло макушку, так что я слегка повеселел, и начал внимательно оглядываться, чуть ускорив шаг.

В детстве, когда мама поняла, что у меня фотографиче-

ская память, она периодически заставляла меня изучать самые разнообразные книги. А потом проверяла – выучил я их или нет. На вопрос «Зачем мне учебник по выживанию?» она отвечала что-то вроде: «Вдруг пойдешь в поход и потеряешься, будешь плутать в лесу неделю. Что будешь там есть?». Через пару минут я готов был расцеловать эту святую женщину, царство ей небесное. Отойдя от кромки леса чуть дальше, вглубь, я наткнулся на внушительные заросли красных ягод. Они висели крупными гроздьями на тоненьких ветках, пригибаясь под собственным весом к самой земле.

Живот призывно заурчал, предлагая обожраться как можно скорее, но помня, что это опасно, я не стал торопиться. Присев, сорвал пару ягод и изучил их. На вид они напоминали вишню. Раздавлив одну из них, я убедился в этом – такая же мякоть и красный сок. Но есть их все равно было страшно – вдруг отравлюсь? С другой стороны, наткнуться на что-то более знакомое можно было через день, два, неделю, а то и вовсе никогда. Для начала я капнул соком на тыльную сторону ладони и подождал некоторое время. Жжения не было. Потом отщипнул кусочек от одной ягоды и положил его на язык. Подождал еще чуть-чуть – ничего. Вздыхнув, положил ягоду в рот и снова принялся ждать. Неприятных ощущений не возникло даже спустя десять минут. Поэтому я разжевал неизвестный плод, не глотая его. Все было в порядке. Решив, что можно и рискнуть, я проглотил ягоду.

На вкус она оказалась сочной и сладкой. Я подождал минут пятнадцать и не почувствовав изменений в организме, съел еще пяток. Живот довольно урчал, переваривая лакомство, а я все еще сомневался. Если это что-то ядовитое, то интоксикация произойдет спустя несколько часов. Здравомысленно рассудив, что со столь малого количества я не умру (а если умру – это будет очень обидная смерть), я решил устроить привал и подождать до вечера, понадеявшись на свою силу воли. Соорудив себе лежанку из нескольких охапок прошлогодней хвои, я разлегся на ней и принялся анализировать свое положение.

Я попал, и попал конкретно – это было ясно. У меня нет ничего, что помогло бы выжить в диких условиях. Положим, соорудить силки и развести огонь я смогу (очень оптимистичный настрой). Возможно, в мою ловушку попадет мелкая дичь, и я смогу приготовить ее на открытом огне – проблем с этим возникнуть не должно. Шкуру (желательно парую) можно использовать в качестве набедренной повязки или как обмотки на ноги. Мне не улыбалось спать на холодной земле абсолютно голым – так и хозяйство можно простудить. Сомневаюсь, что в скором времени мне удастся найти людей – на небе не было видно самолетов, вокруг слышались только звуки леса – шум ветра, шуршание насекомых в хвое. Я видел парочку жуков, но есть их было очень опрощиво – мало ли, вдруг они тоже ядовиты? Так что я решил сосредоточиться на ягодах. А пока ждал результата с уже съеденных

– нужно было развести костер.

Наверное, сейчас найдется мало людей, которые сумеют сделать это, не имея под рукой ничего, кроме дерева. Хотя почти все знают, что можно сделать это первобытным методом – с помощью заостренной палки и сухого бруска. Эх, если бы кто знал – НАСКОЛЬКО это тяжело!

Натаскав к кустам с ягодами хвороста, который насоби-рал в округе, я отломил от одной сухой ветки тонкий, но достаточно крепкий прутик. С бруском оказалось сложнее. Пришлось углубиться в лес и найти поваленное дерево – не слишком трухлявое. Кое-как отломав от него изрядный кусок ствола вместе с торчащей веткой, я потащился к своему импровизированному лагерю. Вогнав ветку в землю и вколов ее одной из принесенных хворостин так, чтобы кусок ствола оставался неподвижным, я начал думать, как мне быстро заострить прут и выдолбить небольшое отверстие в деревяшке. На ум не пришло ничего, кроме как найти острый камень. Ха! Попробуйте найти хотя бы просто камень в лесу, где кроме елок, травы и кустарника нет ничего!

Поразмыслив, я вспомнил, что видел камни у кромки леса, пока шел вдоль него. Вздохнув, я отправился обратно – туда, откуда пришел. Оказалось, что я углубился в лес достаточно далеко. Пока искал камень, хотя бы отдаленно подходящий для моих нужд, пока возвращался – уже начало темнеть. Я пораскинул мозгами и понял, что с момента моего пробуждения на рассвете и до того, как лес укутали сумер-

ки, прошло не так уж много времени. Точно не двенадцать и даже не десять часов. Учитывая погоду и зеленую растительность, сейчас была поздняя весна или даже начало лета, так что столь короткий день меня смутил. Хм, все страньше и страньше, как говорила героиня одной известной книжки.

В потемках искать место стоянки оказалось гораздо тяжелее, но мне просто повезло – я споткнулся о корягу, из которой надеялся извлечь огонь, и облегченно вздохнул. Ну, теперь дело за малым!

Взяв узкий камень, я сначала заострил ветку, которую собирался крутить, а затем принялся выдалбливать отверстие в деревяшке покрупнее. Это заняло какое-то время, и когда я остался доволен результатом, стемнело окончательно. Температура вновь опустилась, но я не унывал. Обложив отверстие сухим мхом, иголками и прошлогодней травой, я поплевал на руки и начал крутить ветку.

Туда-сюда, туда-сюда. Так, теперь побыстрее. Еще быстрее! Дэн, сучий ты потрох, не прошло и трех минут, а у тебя уже забились предплечья! Да, прав был Макс, надо было ходить в спортзал...

Через десять минут я взмок так, что хотел уже плюнуть на костер. Хуже всего, что в темноте абсолютно не было видно – идет ли дымок, или я как последний осел просто кручу деревяшку в разные стороны. С другой стороны, это действие не давало мне замерзнуть – хоть какой-то плюс.

Примерно через еще полчаса я вновь собрался было бро-

свить это дело. Вспомнив, что ничего не ел уже больше суток, принялся шарить по кустам и собирать ягоды. Прошло уже несколько часов с тех пор, как я их попробовал. Никакого отравления я не чувствовал и, плюнув на всё, съел пару пригоршней этой «вишни». Большая удача, что ягоды были сочными – заодно я и жажду утолил, но понимал, что надолго такой еды не хватит. Нужно было найти ручей и напиться, как следует. Но сначала – костер.

Пустота в желудке немного заполнилась, и настроение стремительно улучшилось. С новыми силами я с остервенением принялся вновь крутить ветку, предварительно утрамбовав в отверстие (которое значительно увеличилось) сухого мха. На этот раз – не прерываясь и не отвлекаясь, твердо решив, что перестану только тогда, когда появится огонь. Или пока руки не отсохнут окончательно.

Не знаю, сколько это продолжалось. Мысли совсем исчезли из головы. Мне уже не было важно – где я оказался и почему, как там Макс, что я буду делать завтра. Все мое сознание сконцентрировалось вокруг несчастной деревяшки, которая мелькала между моих ладоней. В какой-то момент мне показалось, что я почувствовал запах дыма. Зарывав, я ускорился, хотя честно признаюсь – рук уже почти не чувствовал. И когда запах дыма стал более явным, я лишь поднажал, понимая, что надолго меня не хватит.

Но, слава богу, все получилось! Получилось, мать вашу за ногу! Сухой мох, наверное, превратившийся в пыль, занял-

ся. Я вскрикнул от радости и отбросил ветку. Не чувствуя ломоты, нашарил рядом еще пучок мха, кустику сухой травы, приготовленной заранее и аккуратно уложил на едва тлеющее отверстие. Потом аккуратно и очень слабо подул. Клянусь, я видел, как пара искр попали на травинку, и она тоже начала тлеть. Подложив еще мха, я подул чуть сильнее и ура! Малюсенькое пламя начало жадно пожирать сухую траву!

От радости я едва не потерял сознание (хотя возможно, это от перенапряжения). Набрал тоненьких сухих веточек я сложил «шалашик», и начал постепенно подкладывать дровяшки побольше. Через несколько минут костер горел так ярко, что я перестал бояться, что он потухнет. Подкинув в него побольше «дров», я подгреб под себя старых еловых иголок и обессилено рухнул на них, практически сразу же провалившись в сон.

* * *

Не скажу, что на этот раз мое пробуждение было приятнее, чем вчера. И хотя горящий всю ночь костер не позволил мне замерзнуть насмерть (ночью я просыпался несколько раз и подкармливал огонь новыми ветками) – в моем положении особо ничего не поменялось.

В этот раз я проснулся еще до рассвета – лес был укутан мраком и туманом. Есть все также было нечего – только ягоды. Я прислушался к ощущениям и понял, что ничего со мной не случилось. Так что с чистой совестью обобрал почти все кусты в округе и устроил себе неплохой (для нынешне-

го положения, разумеется) завтрак. Погревшись у костра, я снова насобирав хвороста в округе и уселся рядом с костром, пытаюсь придумать – как мне действовать дальше.

Было очевидно, что задерживаться здесь нет никакого смысла. Ягод хватит ненадолго, да и без воды жизнь казалась совсем не такой веселой. Конечно, меня смущало, что огонь я с собой взять никак не смогу и вечером придется снова потратить не один час, чтобы развести его. Но что мне было делать? Не оставаться же здесь, в самом деле?

Предплечья немилосердно болели, но я переборол себя и решил сделать хоть какое-то подобие зарядки. Было понятно – если я застрял в этих диких местах, нужно приложить все силы, чтобы не сдохнуть. А мое телосложение не позволяло долго выносить тяготы и невзгоды, это точно. Нет, я не был хилым, но и выносливостью не обладал – сказывался образ жизни истинного горожанина, который привык к комфорту. А так как я всегда отличался худощавым телосложением, то и в спортзал ходить смысла не видел – лишнего веса нет, и ладно. Вот только сейчас я об этом пожалел. Поэтому, преодолевая боль в руках, принялся разминаться.

Признаюсь честно – я и не предполагал, насколько слабо мое тело. Когда дело дошло до более серьезных упражнений, я не смог отжаться даже тридцать раз. А после двадцатого приседания мне показалось, что коленные суставы сейчас выскочат и убегут, прощаясь с таким нерадивым хозяином. Качать пресс и вовсе не получилось – к своему стыду, я

просто не смог сделать этого без упора для ног. Но обессилено лежа на хвойной подстилке я дал себе зарок – не отлынивать, и завтра повторить все упражнения. Глядишь, через пару недель перестану дышать как загнанный олень.

Зарядка подействовала на меня отрезвляюще. Я окончательно понял, что оставаться здесь – бессмысленно. Поэтому потушил костер, помочившись на него, доел оставшиеся на кустах ягоды (кто знает, когда еще будет возможность позавтракать?) и двинулся в путь – по тому маршруту, которого придерживался вчера.

Лошадиное ржание я услышал уже за полдень. Поначалу я решил, что мне показалось, но замерев на месте и прислушавшись, понял, что это действительно лошади. Звук был далекий и доносился откуда-то с кромки леса. Так-так, это уже было интересно – если там были лошади, то могли оказаться и люди!

Слава богу, мне хватило ума не ломиться через подлесок в открытую. Для начала следовало убедиться, что там, куда я иду – безопасно. Поэтому взяв ветку покрупнее (в качестве защиты) я начал потихоньку приближаться к окраине леса. Несколько раз я снова слышал ржание – теперь уже гораздо ближе и понял, что осталось недалеко.

Внимательно озираясь по сторонам, я приблизился к крайним деревьям. Сразу за ними начинались заросли какого-то колючего кустарника, так что я, пригнувшись, принялся подползать ближе к источнику звука. Ободрав все тело, я

дополз почти до самых крайних кустов и остановился, аккуратно отодвинув несколько веток, мешавших обзору.

То, что я увидел, едва не заставило меня вскочить и заорать от радости. Люди! Это были люди! Не монстры, не зомби, не энергетические сгустки – обыкновенные люди! Две руки, две ноги, голова. На них была ОДЕЖДА и оружие – это я заметил сразу.

Всего в этой компании я насчитал восьмерых мужиков. Все были одеты «по-походному», если можно так выразиться. Высокие сапоги, кожаные штаны, куртки и безрукавки. На земле виднелись расстеленные плащи, на которых отдыхали несколько человек. Все они расположились вокруг костра, над которым, испуская невероятный аромат, жарилось какое-то животное. Я едва язык не проглотил от голода, когда ветер донес до меня запах жареного мяса.

Но выходить к ним я не торопился по нескольким причинам. Во-первых – все они были при оружии, и оружие это было словно родом из средних веков: мечи, луки, копья. Один из мужиков держал на коленях гигантский бастард и полировал его каким-то брусом. Во-вторых – кто знает, что они решат сделать с голым безумцем, неожиданно появившимся возле их лагеря? Снесут башку или нашьпигуют стрелами и поминай, как звали. Нет, тут надо было действовать осторожнее.

Но, кажется, у судьбы были свои планы на меня и этих субчиков. Пока я лежал в кустах и решал, что делать, позади

меня хрустнула ветка. Я перевернулся на спину и с ужасом увидел, как в двух метрах от меня стоит рябой мужик. Он ухмылялся гнилыми зубами и целился из лука прямо в меня. У меня внутри всё похолодело. Неужели я подохну прямо сейчас?

Я отодвинул от себя палку (бесполезную на данный момент) и попытался встать на четвереньки. Человек с луком не стал мешать и мне это удалось. Затем я поднял руки и встал на ноги, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее. Признаюсь – когда ты полностью голый, а тебе в лицо направлена стрела с боевым наконечником, сделать это очень проблематично.

Мужик лихо свистнул и через пару секунд я услышал за спиной топот нескольких ног.

«Кажется, теперь я прекрасно понимаю выражение «Попасть впросак», – уныло подумал я, разворачиваясь вслед за кивком рябого лучника.

Глава 3

Незадолго до сейчас

Жрать хотелось нестерпимо. Я уже упоминал об этом, кажется? И не раз? Ну так идите все в пень! Если вас достало слушать мое нытье – плевать! Самого тоже достало, и что?!

Так, хватит. Разговоры с самим собой до добра не доведут, так можно и умом тронуться. А учитывая, что у меня и так весьма странное савантное отклонение – дело может обернуться вообще неприятно. Буду трясти головой, и повторять когда-то услышанные фразы – кому от этого будет лучше? Точно не мне.

Правда, мое положение и так было незавидным. Люди, на которых я натолкнулся, оказались... не совсем дружелюбными. Точнее – совсем не дружелюбными. Меня пинками и тычками довели до костра, швырнули на землю и связали, даже не спросив имени. На мои попытки заговорить ответ был простой – мощный удар в лицо. Я такого не ожидал, признаюсь, хоть и понимал, что с таким «знакомством» как случилось сейчас, ждать адекватного обращения не приходится.

Самым невероятным оказалось то, что эти люди общались между собой на чистейшем русском языке! Я поначалу невероятно обрадовался и именно поэтому решил заговорить с ними – как-никак, земляки! Но фишка была в том, что мои новые «друзья» даже не поняли, что я имею ввиду и лишь

наградили очередной зуботычиной. Пришлось заткнуться и задуматься о собственном будущем. А пока я этим занимался – пытался подслушать их разговор.

– Что это за хрен? – спросил один из мужиков – здоровенный бородатый детина с длинным шрамом поперек всего лица. Именно он начищал бастард возле костра, когда я их заметил.

– Понятия не имею, – пожал плечами лучник, поймавший меня, – Мне тоже интересно, откуда он тут взялся. До ближайшей деревни пять дневных переходов.

– Да не похож он на селянина, – заметил один из мечников, лениво развалившийся возле костра, – вы глядите, какой заморыш! Такой и навильник сена не поднимет.

Мужики заржали, а я поежился. Путы на руках были связаны так крепко, что веревки ободрали кожу. Пальцы начали неметь.

– Может, шпион? Один из отряда разведчиков Аллана? – предположил еще один лучник, обгрызая ногу животного, которое еще несколько минут назад жарилось на костре. У меня потекли слюнки.

– Баск, ты что, совсем тупой? – засмеялся бородач, – Какой из него разведчик? Еле душа в теле держится. И по лесу ходить не умеет – даже Бассет смог его найти в кустах.

– А что я, плохой следопыт? – попытался возмутиться рябой, но получил чувствительный удар в плечо и заткнулся.

Я понял, что главным в этой компании был именно боро-

дач с бастардом. Все остальные поглядывали на него с опаской, только рябой лучник решался встречать со своими замечаниями – за что и получил. Видимо, этот Бассет – правая рука главаря.

Пока я раздумывал, остальной отряд приступил к трапезе. Разумеется, никто и не подумал накормить пленника.

– Эй, мужики! – крикнул я на свой страх и риск, – Дайте хоть кость погрызть, я двое суток ничего не ел!

Бородач переглянулся с одним из мечников и кивнул на меня. Тот неторопливо вытер руки о полу плаща и подошел ко мне, присел на корточки. В следующий момент у меня из легких выскочил весь воздух – мужчина с такой силой врезал мне под дых, что я отлетел на добрый метр и скорчился на земле.

– Еще раз назовешь нас мужиками – сломаю руку, – предупредил он меня, – мы наемники Черного Пса, тварь. Запомни хорошенько.

«Вот и познакомились» – подумал я, хватая ртом воздух словно рыба, выброшенная на берег. «Наемники Черного Пса, ну надо же! Я что, и правда перенесся в другой мир? Если тут так встречают незваных гостей, то мои шансы выжить стремительно падают».

Пока я валялся на земле, безуспешно пытаюсь встать на колени, наемники закончили обедать и занялись своими делами. Кто-то принялся чистить лошадей, несколько человек, подхватив луки, направились в лес. Ко мне подошел главарь

и, понаблюдав за моими потугами, презрительно сплюнул, а затем рывком поднял и поставил на ноги.

– Кто такой? – жестко бросил он.

– Дэн, – просто ответил я.

– Странное имя, – нахмурился бородач, – никогда такого не слышал. Что делаешь здесь?

– Сам не знаю, – честно ответил я, – Очнулся в лесу, без одежды. Ничего не помню.

– Память что-ль отшибло? – удивился предводитель наемников.

– Ага, – не моргнув глазом, соврал я. Ну не говорить же ему, что я прибыл из другого мира? Однако этот детина оказался далеко не простачком. Прищурившись, он протянул свою огромную ручищу вперед и сдавил мое горло.

– Что-то не верю я тебе, Дэн. Есть у меня особенность – умею определять, когда люди врут. Вот и вижу, что ты сейчас лукавишь. Давай договоримся – или ты выкладываешь правду, или перейдем к более веселому разговору. Мои парни уже три недели без развлечений – им только за радость будет поспорить, сколько ты протянешь с выпущенными потрохами.

Я нервно сглотнул, пытаюсь придумать – что делать?! Становится трупом ой как не хотелось. Впрочем, я не представлял, что помешает этим уродам исполнить свою угрозу, даже если я расскажу правду.

– Ладно, ладно, – прохрипел я, и бородач убрал руку с

моего горла.

Вдохнув побольше воздуха, я начал рассказывать. Не с момента своего рождения, конечно, а с того утра, когда позвонил Макс. Бородач слушал внимательно, лишь иногда задавая вопросы – что значит «позвонил», что такое «реактор», «машина» и тому подобное. Конечно, кучу деталей я опустил, но было видно, что мужик заинтересовался. Когда я закончил, он выглядел задумчивым.

– Теперь вижу, что не врешь, – протянул он, внимательно разглядывая меня, – хотя кому расскажи такую околесицу – не поверят. Может всё и не так, как ты говоришь. Может быть, ты просто сам в это веришь, а на самом деле ты дезертир и тебя хорошенько приложили по башке, – он рывком наклонил меня, изучая голову, – хотя следов никаких. Ничего, есть способ проверить. Смущает меня, что ты вроде как «не местный» – а на нашем языке гуторишь напропалую.

– Мне и самому это интересно.

– Заткнись и слушай. Я – Черный Пёс. Это, – он махнул рукой на людей вокруг костра, – мой отряд. Веди себя спокойно, и проблем у нас не будет. Через несколько дней мы выйдем к пограничной деревушке – там должен быть маг. Он проверит твои слова, и если то, что ты мне рассказал сейчас, правда – мы продадим тебя ему или кому другому, там видно будет. Попробуешь бежать – случится то, о чем я говорил. Всё понял?

– Да.

– Есть вопросы?

– Пожрать бы мне, господин Черный Пёс, – вздохнул я, – и портки какие-нибудь.

Главарь наемников заржал и отошел к своим людям, ничего мне не ответив. Через некоторое время ко мне подошел Бассет и кинул на землю изгвазданные чем-то штаны. На них же он бросил черствую корку хлеба и нечто, напоминающее луковицу.

– Помочь одеться, красавица? – ухмыльнулся он, наблюдая за моими потугами натянуть штаны со связанными руками.

– Сам справлюсь, – процедил я, стараясь не обращать внимания на провокацию.

– Ну-ну, – покачал головой лучник, – Если что – зови, красавица.

Я скрипнул зубами, но ничего не ответил. Мое положение и так висело на волоске, незачем было усугублять его, препираясь с тем, кто может... Ладно, об этом лучше не думать. Надо срочно прикинуть, как поскорее покинуть эту «гостеприимную» компанию.

* * *

Следующие пару дней я запомнил навсегда. Столько унижений, лишений и злости я не испытывал и за всю свою прошлую жизнь. Настоящий концентрат дерьмища, чтоб его...

Отряд Черного Пса свернул лагерь на следующее утро. Меня разбудил Бассет, бесцеремонно пнув по ногам

несколько раз. Кажется, ему понравилось меня бить – еще накануне он не преминул несколько раз наградить меня ту-маками. Вот и сейчас лучник стоял надо мной, ожидая, что я что-нибудь скажу и в надежде добавить пинка.

Тупой выродок... Что я буду делать, если он сунется ко мне – даже не представляю. Прекрасно понимаю, что не смог бы заломать опытного головореза даже с развязанными руками. А уж в своем нынешнем положении...

Впрочем, Черный Пёс, кажется, умел держать слово – краем уха я слышал его разговор с отрядом во время ужина. Он намекнул своим людям, что за меня может заплатить ближайший волшебник, а за порченную шкуру денег им достанется меньше. Все согласились с командиром, но от толчков, пинков и плевков это меня не спасло – во время нашего «путешествия» не проходило и часа, чтобы на меня не обратили внимания.

К несчастью, лошадей было ровно восемь – столько же, сколько наемников. И конечно, никто из них не собирался подвозить меня. Поэтому, недолго думая, мои короткие пути поменяли на длинную веревку, другой конец которой к луке седла привязал сам Черный Пёс. Поэтому я шагал за его конем быстрым шагом – прямо как собачонка. Только вот уверен – с собакой они бы не обращались так, как со мной. На мое счастье, галопом никто не скакал, предпочитая легкий шаг, иногда переходящий в рысцу. Вот тогда мне приходилось прилагать все силы, чтобы поспевать за кавалькадой.

Впрочем, по всей видимости, ребята никуда не торопились, так что не скажу, что они меня загоняли до полусмерти.

Что меня расстраивало помимо незавидного положения, так это то, что наемники не слишком много болтали. А я не имел ни малейшего представления о мире и местности, в которой оказался. Почему тут так безлюдно? Что за разведчики Аллана, которых упомянули наемники в день нашей встречи? Что за маги такие живут в местных деревнях, которым вот так запросто залетный отряд наемников может продать человека? Где ближайшие населенные пункты, и что там ждет человека, который вообще не ориентируется в этом мире? И самое главное – как я понимаю язык этих людей?

Мне до сих пор казалось, что мы говорим на русском, но умом я понимал, что это бред – да и замечание Черного Пса напрямую говорило об этом. Почему-то этот вопрос казался мне очень важным, хотя надо признать – в настоящее время были проблемы и посерьезнее.

Но, как бы странно это ни звучало, в моем положении были и плюсы. Во-первых – у меня появилась одежда. По крайней мере – штаны и обувь. Правда, листы тонкой кожи, которые мне дали наемники (когда я обессилено рухнул на землю после первого дневного перехода, изучая сбитые в кровь ноги) можно было назвать разве что «портянками». Но всё равно, это было лучше, чем ходить босиком. Обмотав ими ноги и перетянув несколькими веревками, я вздохнул с облегчением. Штаны удалось отстирать от грязи в первом попав-

шемся нам ручье – там же я и напился, в первый раз с тех пор как оказался здесь. К сожалению о том, что такое «труссы» здесь, кажется – не слышали. Это я понял, увидев наемников, когда те начали плескаться в ручье. Интересно, а им такая грубая одежда причинные места не натирает?

Во-вторых – теперь мне не приходилось беспокоиться о том, что я буду есть. Каким бы дерьмом меня не кормили наемники – это была еда. Черствый хлеб, лук, заплесневелый сыр, жесткое, будто резина, вяленое мясо – вот из чего состоял мой рацион. Как только я получал порцию того, что сами наемники есть отказывались (предпочитая свежую дичь, которую регулярно приносили охотники), то накидывался на нее с невероятным воодушевлением. Но запах жареного мяса, каждый день готовящегося на костре, сводил меня с ума. Но просить его я не рисковал, боясь получить очередной удар в лицо. Да и вообще – меньше всего мне хотелось привлекать к себе внимание наемников. Признаюсь честно – я до одури боялся того, что они могут со мной сделать.

На третий день путешествия я начал понимать, что никто за мной толком и не приглядывает. По-всей видимости, связанных рук и моей немощности ребята считали достаточным, чтобы не переживать о побеге. А вот я раздумывал над этим постоянно. Сложность заключалась в том, что я не имел ни малейшей уверенности, что мне удастся сбежать от опытных наемников, даже если у меня будут развязаны ру-

ки. Честно говоря, это мало на что влияло – ноги то у меня были свободны во время каждого привала, но что с того?

Каждую ночь дежурили трое наемников – по очереди неся вахту в два с лишним часа. Да, заняться мне было особо нечем, так что я считал секунды, минуты и часы. И пришел к интересному выводу – местная ночь была гораздо дольше дня – почти в полтора раза. Если световой день длился от силы семь часов (точнее я пока не определил), то с наступления сумерек и до рассвета проходило почти одиннадцать. Поэтому мы каждый день просыпались еще до восхода солнца и продолжали двигаться в густых сумерках, пока Черный Пёс не командовал остановку.

День назад местность поменялась – еловый лес остался позади, но ему на смену пришли другие – гораздо меньшего, насколько я мог судить, размера, но встречающиеся очень часто. Рельеф равнины тоже изменился – пропала плоскость, местность теперь состояла сплошь из холмов усеянных густыми подлесками.

Сегодня мы прошли гораздо больше, чем обычно. Скорость передвижения лошадей снизилась, и приходилось тратить больше времени, чтобы выдерживать график. Какой именно? Я понятия не имел – наемники оказались далеко не глупцами, и когда вели свои разговоры, старательно следили, чтобы я их не подслушивал. Не знаю, чего они боялись, но это вызывало у меня определенное беспокойство. Особенно в последний день – Черный Пёс выглядел очень злым и

встревоженным, так что остальные старались не лезть к нему с разговорами.

В этот раз мы остановились с западной стороны одного из холмов, густо заросшим кустарником и деревьями, очень напоминающими наши клёны. Трое наемников, как обычно, отправились на охоту куда-то на север, еще одного Черный Пёс отправил туда, откуда мы пришли. Этот тип был самым неприметным и молчаливым среди них, так что я подозревал, что он отправился проверить – не преследует ли кто их отряд. Странное поведение наемников явно говорило о том, что они чего-то (или кого-то) опасаются.

Мои догадки подтвердились, когда ближе к утру из темноты ночи возле костра совершенно бесшумно возник разведчик. Бросив несколько фраз Черному Псу, он снова скрылся во мраке, а главарь банды начал стремительно раздавать указания. Часовые принялись поднимать спящих. Люди засуетились – кто-то спешно седлал лошадей, кто-то – заливал костер мочой и водой из фляжек. Взгляд Черного Пса упал на меня и бородач некоторое время словно прикидывал – что со мной делать. Подойдя вплотную, он велел подняться и неожиданно разрезал путы на руках. Я обалдело посмотрел на него.

– Что случилось?

– Погоня, – будничным тоном пояснил он и снова сгреб меня за шею, – Сейчас мы попытаемся скрыться в холмах. Нам не нужен идиот, который будет постоянно падать и ра-

но или поздно выдаст нас. Поэтому поступим так, – он оглянулся в темноту и коротко свистнул. В мгновение ока рядом с ним оказался один из мечников, – Возьмешь недомерка к себе на седло, ясно? Головой за него отвечаешь. А ты, – бородач повернулся ко мне, – только попробуй выкинуть что-нибудь – переломаю все кости, понял?

Я молча кивнул, хотя в голове уже щелкнуло несколько выключателей. Вот он! Вот шанс свалить! Если они так спохватились – значит, преследователи уже близко. Скорее всего, удирать ровным строем никто не собирается, а это увеличивает мои шансы на побег. Плюс – крошечная темнота. Если все сложится удачно, то я просто затеряюсь в холмах, и к утру буду уже далеко.

Мой новоявленный конвоир подхватил меня под локоть и повел к своему коню. Я понятия не имел, как залезать на лошадь, поэтому схлопотал пару ударов по почкам за медлительность. В конце концов, мне кое-как удалось взобраться на животное. Наемник одним махом вскочил в седло прямо за мной, взял поводья и, гакнув, поскакал в темноту.

Признаюсь честно – я не видел ни черта. Понятия не имею, как мы не расшиблись в лепешку в первые минуты скачки, но через какое-то время я осознал, что для моего конвоира крошечная темень – не проблема. Хотя, может быть, он доверился лошади, не знаю. Факт в том, что мы скакали действительно долго. Прошло около часа, наверное, и я услышал по бокам от нас топот других коней. Судя по зву-

ку, их было два, или три – трудно сказать наверняка. Но я надеялся, что это не весь отряд.

Неожиданно раздался свист, гиканье, послышался лязг стали – совсем близко от нас! Наемник зарычал, и начал подгонять коня. Я вертел головой, пытаюсь определить – откуда доносятся звуки боя. В том, что это бой, я не сомневался. И ждать его исхода не собирался.

Фотографическая память – отличная вещь. Обладая ей, вы можете запомнить все, что угодно. Например – с какой стороны и в каком положении на бедре наемника висит кинжал. А также то, что из-за поспешных сборов он не успел надеть свой кожаный доспех. Впрочем, такие мелочи мог запомнить любой, а вот положение печени в организме – не каждый. При такой бешеной скачке я был уверен, что пара секунд у меня будет – и не ошибся. Протянув руку чуть назад, я почувствовал рукоять легкого холодного оружия. Дернув ее на себя и чуть вверх, я одним махом вогнал клинок в бок своему конвоиру. Он сдавленно булькнул, а я провернул кинжал так, что почувствовал, как задел им ребра наемника.

Все это случилось за пару секунд. Я понял, что терять времени нельзя – мотнул головой назад и попал затылком прямо в нос этому ублюдку. Но, по всей видимости, этого ему было мало, да и рана оказалась несерьезной. В один момент я почувствовал, как его кулак врезается в висок, и чуть было не потерял сознание. Пришло осознание того, что справиться с этим детиной с нахрапу не получится, а времени у меня

не было совсем. Поэтому я принял единственное решение и завалился на бок.

В следующее мгновение я жестко врезался в землю, свалившись с коня. Дышать было тяжело, но я через силу заставил себя подняться, лихорадочно крутя головой. Уже начало светать, и я смог разглядеть силуэт наемника, медленно удаляющегося от меня. Кажется, парень с трудом держался в седле, но я не был в этом уверен. Поэтому сделал единственное, что мог – побежал к ближайшим деревьям.

Глава 4

Открыв глаза, я долго не мог понять – где нахожусь? В голове мелькали спутанные обрывки образов: клуб, выпивка, блондинка, закрытый завод, Макс, авария в реакторе, лес, огонь, наемники, ночь, погоня, разбитое лицо Бассета, ледяная вода...

Озарение пришло неожиданно, одной яркой вспышкой, и я попытался рывком подняться – но ничего не получилось. Ребра затрещали так, что я не выдержал и застонал от боли. Откинувшись на спину, почувствовав, что лежу на чем-то мягком. Мягком?

Только когда круги перед глазами исчезли, удалось сконцентрировать внимание на окружающей обстановке. Я лежал на каких-то нарах, укрытых несколькими мягкими одеялами. На мне тоже лежало что-то тяжелое и шерстяное. Прямо над головой виднелась полка, на которой стояла масляная лампа. Но она не горела – просторное помещение и без того было залито солнечным светом, пробивающимся через распахнутые окна. У дальней от меня стены была сложена кирпичная печь, в устье которой стоял и побулькивал казанок. Пахло очень приятно. Рядом с печью стоял небольшой стол и пара табуреток, в углу виднелся здоровенный сундук. Я сглотнул слюну, и поискал глазами людей – никого.

– Эй, есть кто дома? – просипел я. Черт, горло совсем пе-

ресохло, и вместо нормального вопроса у меня изо рта вырвался тихий хрип. Поняв, что позвать никого не смогу, я решил осмотреть себя, откинув одеяло. Увиденное меня совсем не обрадовало – торс был плотно перебинтован толстой серой тканью, правая рука зажата меж двух дощечек и тщательно примотана к телу. На левом бедре виднелся уже зарубцевавшийся порез длиной больше ладони. Ого, ну и шрамина! Сколько же я провалялся без сознания?

Я как раз ощупывал голову (обритую почти наголо), когда входная дверь распахнулась, и на пороге появилась дородная женщина в длинном и грубо сшитом сарафане. Волосы были спрятаны под косынку, а в руках она держала корзину, доверху наполненную... чем-то. Я не разглядел со своего места, да и неважно это было сейчас.

Увидев меня, женщина охнула, поставила корзину на пол и опрометью кинулась обратно на улицу. Через пару минут она вернулась, но уже не одна – с ней пришел высокий и уже немолодой мужчина с глубоко посаженными черными глазами, седой бородой и длинными, давно не стриженными волосами, перехваченными чем-то вроде вышитой ленты. Он что-то тихо сказал женщине и подошел ко мне. Захватив стоявший рядом с печью табурет, мужчина поставил его рядом с нарами и уселся рядом со мной, затем приподнял одеяло, удовлетворенно хмыкнул.

– Оклемался, значит, – констатировал он, – А мы с женой думали, что так и проваляешь до праздника летнего солнце-

стояния.

Заметив мой настороженный взгляд, мужчина улыбнулся:

– Меня зовут Скел. Ты в моем доме. Не надо бояться, здесь тебя никто не обидит.

– Здравствуй, Скел, – просипел я и закашлялся. Мужик неспешно встал, подошел к столу и взял небольшой черпак. Набрал из деревянного ведра воды и подал мне. Я жадно выпил ледяную жидкость, не обращая внимания на то, что от холода у меня свело зубы.

– Не знаю, откуда ты родом, – протянул Скел, забирая черпак, – но в наших краях в ответ на приветствие принято называть свое имя.

– Прости, хозяин, – я откинулся на нары, – но я при всем желании не смогу это сделать. Отшибло мне память.

– Да ну? – прищурился тот. Да у них всех тут что, встроенный локатор на вранье установлен? Помня о прошлой встрече с людьми в этом мире, я не торопился раскрывать все карты. Мало-ли, что взбрет им в голову? – Но как говорить и здороваться, вижу, ты не забыл?

– Прости, Скел, – снова извинился я, старался говорить как можно дружелюбнее, – До того, как прыгнуть в реку, я помню всего несколько дней. А до этого – ничего. Проснулся в лесу, а потом наткнулся на... – я прикусил язык, не зная – стоит ли доверять этому человеку? Тот заметил, как я оборвал разговор и покачал головой.

– Ну говори уже, коль начал. На кого наткнулся? На раз-

бойников? Зверей? Нечисть?

– На наёмников, – я решился ответить. Судя по всему, Скел с женой были крестьянами – изба намекала на это. И вряд ли они желали мне зла, раз перебинтовали и выходили.

Скел скривился, пробормотав под нос какое-то ругательство, которое я не расслышал.

– Знаю эту братию. Неприятные они. Слоняюсь по холмам, творят что вздумается. Управы на них никакой. Слава богам, обходят наш медвежий угол стороной, – ответил он, несказанно обрадовав меня этими словами. Медвежий угол, значит? Это хорошо. Значит, есть шанс, что здесь меня тут не найдут. А в том, что наемники попытаются это сделать, я почему-то был уверен.

– Но все-таки – даже если ты имени не помнишь – надо же как-то тебя называть? – задумался мужчина, – Буду просто называть тебя «парень», пока не вспомнишь имя, идет? Или пока не выберешь себе новое.

– Идет, – вздохнул я. Отлично, значит, в очередной раз повторять байку о том, что я пришелец из другого мира не придется. И то хорошо, – Долго я у вас лежу?

– Да почитай полторы недели уже.

Так-так. Значит, в беспомощности я провалялся десять-одиннадцать дней. Это долго, очень долго. Интересно, как далеко меня унесла река?

– Не сочти за труд, хозяин, – я старался подбирать такие слова, которые не выдали бы все мои странности. Спасибо

куче книг, прочитанных в детстве, – Расскажи, где я очутился, и как ты меня нашел? И спасибо, за то, что спас, – добавил спохватившись.

Скел улыбнулся и кивнул.

– Погоди, парень. Сначала жену позову, познакомитесь. Это она тебя нашла, ее и поблагодаришь заодно. Да и поесть тебе не помешает, думаю.

В ответ на это мой желудок заурчал, соглашаясь с гостеприимным хозяином. Он усмехнулся в бороду и вышел за дверь. Там послышались голоса. Вернулся Скел не один – с той самой женщиной, которую я уже видел.

– Это Розанна, – представил он ее мне. Женщина улыbnулась, и я улыbnулся в ответ.

– Скел сказал, что это вы меня нашли. Спасибо за то, что спасли, – поблагодарил я ее. Женщина (тоже немолодая) слегка зарумянилась.

– Да что уж там, каждый бы так поступил. Я рада, что ты очнулся. Как...

– Память ему отшибло, – перебил ее муж, – Не помнит парень, как его зовут. Ладно, хоть говорить не разучился. Но языками потом чесать будем. Накрывай на стол, жена, гость наш проголодался.

Женщина кивнула и поспешила к печке. Я попытался было встать, но Скел не дал мне этого сделать.

– Эй, эй, ты куда собрался?! – Изумился он, удерживая меня на нарах, – Лежи, миску тебе Розанна принесет! Ишь,

какой пряткий! У тебя несколько ребер сломаны, и рука разбухла как у мертвяка. Я не лекарь, но сделал что смог. Завтра будем менять повязки, проверим, как там и что. А пока не дергайся, нельзя тебе двигаться.

Я с сожалением откинулся на тюфяк, набитый соломой (он тут был, видимо, вместо подушки) и не стал спорить. Да и незачем этого было делать – впервые с тех пор, как я очнулся в лесу, меня не терзало чувство опасности. Розанна принесла мне деревянную миску с едой – это была жиденская рыбная похлебка с пахучими травами. Еда очень напоминала любимую мной уху, и я хотел расправиться с ней как можно быстрее, но Скел меня остановил, скормив всего несколько ложек. Через некоторое время я поел еще немного. Только к вечеру несчастная тарелка опустела, а был по настоящему счастлив.

Потом мужчина достал из сундука пузатую баклагу, сделанную из какого-то овоща, и предложил мне. Я не стал отказываться, и сделал скупой глоток. В баклаге оказался крепчайший самогон – такой, что у меня аж глаза заслезились, но я не удержался, и глотнул еще. Скел уважительно крикнул и тоже отпил из самодельной фляжки.

– И все же, – спросил я, возвращая Розанне миску, – расскажите, как вы меня нашли? И где я нахожусь?

– Да что тут рассказывать, – всплеснула руками хозяйка, – Я на речке была, с корзиной белья, портки мужнины стирала...

– Ну ты еще Расскажи, сколько раз я в отхожее место хожу, – заворчал тот, но она досадливо махнула на него рукой.

– Отстань. Так что я говорю – стирала белье в речке. Вдруг гляжу – бревно плывет, да с каким-то наростом будто. А как ближе его течение поднесло, увидела – не нарост это никакой, а человек повис, и без сил болтается! Ну я уж испугалась! Подумала – всё, мертвяк! А как ближе тебя поднесло – вижу, кашляешь. Ну я уж не долго думала, прыгнула в воду, доплыла до этого бревна и оттолкала вместе с тобой к берегу. Вытянула в камыши, и бегом за мужем. Ну и вид у тебя был, парень! – вздохнула она, – Одно ребро торчит, кровь сочится отовсюду, руки-ноги холодные, а правая рука так вообще вывернута не пойми как. Ну, думаю – не жилец. Но нет, муж тебя домой притащил, на стол положил и давай штопать да вправлять, бинтовать. Видно, долго ты проплыл, парень, изрядно тебя помотало. Все тело – один большой синяк. Поди, на порогах побывал.

– На порогах? – переспросил я.

– Ну да, – похлопала она глазами, – лигах в двадцати к северо-западу они начинаются. Муж так и сказал – побило тебя о камни.

– Лигах в двадцати... – задумчиво протянул я.

– Что, и что такое «лига» забыл? – спросил Скл.

– Не знаю, – я помотал головой. Если я правильно помнил, лига – это чуть меньше пяти километров (по земным меркам, разумеется). Но может быть, тут другая мера измерений? Я

решил прояснить сразу хотя бы этот вопрос, – В днях пути это сколько отсюда? На лошади, по прямой?

– На лошади? – Скел задумался, – Прямых дорог тут нет, парень. Берег реки весь изрезан скалами да лесом густым – на коне несподручно по нему ехать, пешком и то быстрее получится. Буреломы да буераки. А если в объезд... Четыре, пять недель. В глухом месте мы живем, говорю же. Мимо нас одна дорога проходит, и то – на запад, в трех лигах отсюда. А пороги на севере. Так что если переживаешь по поводу наемников – не стоит. Если ты от них бежал еще до порогов – найти тебя быстро у них не получится.

Я кивнул. Так, получается, что река меня унесла на сто с лишним километров от того места, где меня догнали наемники... Это немного. Впрочем, учитывая, что дорог, по словам Скела, тут нет – вдоль реки меня отряд Черного Пса искать не станет – себе дороже. Удивительно, что мне вообще удалось проплыть столько и выжить. В голове всплыла картинка – я действительно попал на пороги, вот только к тому моменту окоченел окончательно и не смог побороть течение, чтобы выбраться на берег. Там меня и приложило. В первый раз. Потом было еще, но это я помнил весьма смутно. Удивительно, что мне посчастливилось зацепиться за бревно и отрубиться уже после этого.

Видя, что я задумался, хозяева не спешили говорить со мной. Когда я, наконец, отпустил поток мыслей, они уже сидели за столом и тихо переговаривались, а освещение в ком-

нате поменялось – по всей видимости, проснулся я далеко за полдень, и сейчас солнце уже клонилось к горизонту.

– Скажите, а что за местность, в которой вы живете? Где я оказался? – повторил я вопрос, который уже задавал.

Скел, оглянувшийся на меня, снова подошел к нарам и сел рядом.

– Лесной край это, парень. Глухомань.

– Почему глухомань?

– Как это? – хохотнул мужик, – городов тут нет, деревни в нескольких днях пути друг от друга раскиданы, а то и дальше. Зверей диких полно, полей мало, расчищать под них лес – тяжело. Дорог почти нет. Самый край обжитых земель, почитай.

– Самый край, говоришь? – я задумался, – Ты прости, Скел, что такие дурные вопросы задаю, но сам понимаешь, – я легонько постучал себя по голове и поморщился от резкой вспышки боли, которой череп отозвался даже на столь мягкое прикосновение, – для меня что Лесной край, что Болотный, что Дальний север – всё одно. Расскажи, что в разных сторонах света находится. Может, вспомню чего?

Скел ненадолго задумался и кивнул:

– Да что тут рассказывать, все просто, как палка. Я не учен, могу рассказать только о том, что видел сам и слышал от знакомых. Карт у нас в доме отродясь не бывало, да и зачем, если мы тут уже пятнадцать зим прожили?

– Мне будет достаточно и твоего рассказа! – горячо заве-

рил я хозяина, и он, пожевав губу, начал говорить.

– Начнем с дороги, раз такое дело. Она ведет через лес, на запад. Я уж говорил, что мы самая окраина, так вот, дальше на западе – большое королевство.

– Как называется? – сразу же перебил я его.

– Аластонское королевство. Так ты слушай дальше – его земли на западе. Как заканчивается Лесной край – начинаются Вольные земли. Холмистая пустошь, затем болота Венги, за ними – Горькая равнина, ну а дальше – много городов, несколько рек и горная цепь Харгатских гор, которая делит королевство на две части. Столица где-то там, еще дальше на западе, но я сам не был за Харгатами никогда, так что не смогу точно рассказать – что там дальше. Да и далеко это, тебе сейчас не важно, думаю.

Скел прервал рассказ, чтобы достать из сундука уже опробованный мной самогон и вернулся к нарам. Сделав изрядный глоток, он протянул баклагу мне и продолжил:

– Та река, из которой мы тебя выловили, называется Лирея. Она начинается как раз в Харгатских горах, на северо-западе, и тянется до Лазурного моря далеко на юго-востоке. Между ним и нами – Великая степь.

– Большая? – уточнил я, возвращая я флягу после того как приложился к ней.

– Да кто ж ее мерил? – удивился моему вопросу Скел, – Не маленькая, это уж точно. Там кочевники живут, много разных кланов. Есть маленькие, по десятку человек, есть огром-

ные – по несколько тысяч. Разводят лошадей, медьял и верблюдов, воюют друг с другом, совершают налеты на приграничные поселения. Городов там всего раз-два – и обчелся. Но есть несколько очень хорошо укрепленных – Тевин, Савин и Риен. Но они тоже далеко отсюда – в месяцах пути.

Что до востока, то там все просто – Лирея делит наш лес почти на две ровные части. Западная сторона еще хоть как-то обжита, а вот восточную часто называют Диким Краем. Там раньше жили эльфы, но примерно сотню лет назад исчезли. Говорят, что произошло с ними что-то нехорошее, но толком никто не знает – что именно. Бабки в деревнях всякие сказки бают.

– Эльфы? – переспросил я, удивляясь.

– Ну, – кивнул Скел, – эльфы. Люди такие, только живут веками. Мало их осталось по миру – только те старики и выжили, почитай, которых не оказалось за Лиреей во время тех событий. Ну, когда они исчезли, – пояснил он, видя, что я уже запутался. Язык у Скела начал слегка заплетаться, и слова путались, после того, как мы осушили баклагу до самого дна. Признаться, и у меня в голове здорово шумело. Эльфы, ну ничего себе!

– В общем, не суется никто в те края без надобности, – продолжил Скел, – зверье там дикое, непуганое. Медведи, скирры, волки. Говорят, что и нечисти всякой обитает сполна, но сам не проверял, не знаю. Ну а за Диким краем еще один хребет с севера на юг тянется – Туманные горы. За ни-

ми – Нефритовая Империя.

– Какая-какая? – изумился я. Неужели...

– Нефритовая. Камень такой есть – нефрит. Ну, чую, долго тебе придется обо всем рассказывать, – вздохнул Скел, даже не подозревая, о чем я на самом деле думал.

Нефритовая империя... Почти Китай. Уверен, и люди там живут с соответствующей внешностью.

– А есть с ними торговля? – спросил я.

– Есть, как не быть, – согласился мужчина, – Только караваны магики водят какими-то своими путями. Через горы никак не перебраться – через Дикий край дорог нет. Через степь – долго и опасно, хоть и проходят там иногда караваны отчаянных купцов. На севере тундра и Ледяная Пустынь – там еще опаснее, – закончил он и с сожалением потряс опустевшую баклагу. Пока хозяин дома вел рассказ, на улице уже стемнело. Скел вздохнул.

– Утомился я, парень. Пора и тебе отдыхать, и нам – завтра полно работы. Ложись спать и набирайся сил. Завтра поговорим еще. Если все пойдет хорошо, через неделю-другую встанешь на ноги. А там посмотрим, как быть. Кто знает, может, и вспомнишь чего?

Закончив рассказ, хозяин отправился в другую часть дома, которую с моей лежанки видно не было. Я же, уморившись теплой едой и алкоголем, растянулся на нарах и принялся размышлять о своем положении. Перед тем, как заснуть, я услышал, как за стенкой Розанна тихо говорит мужу:

– А я и не знала, что ты у меня такой ученый. Гляди-ка, не хуже менестреля о землях вокруг нас рассказать можешь столько интересного.

– Скажешь тоже, – фыркнул Скел, – давно ли ты менестреля слушала?

– Ох, давненько, – мечтательно протянула женщина.

– Ну так давай я тебе кое-что спою на ушко? – тихо предложил хозяин дома и его жена захихикала.

– Окстись, старый, парень за стенкой не спит еще! И откуда силы только в тебе берутся?!

Я, услышав это, только улыбнулся и попытался как можно скорее уснуть. Стараться, честно говоря, даже не пришлось – стоило закрыть глаза, как меня унесли объятия Морфея.

Глава 5

Из дома Скела я вышел только через пять дней, считая от момента своего пробуждения. И то – дальше завалинки не уковылял. Зато сполна смог разглядеть место, где оказался.

Дом был лишь малой частью обширного хозяйства, которое мужчина вел вместе со своей женой. Большой и чистый двор был обнесен внушительным бревенчатым забором с единственными воротами, запирающимися на здоровенный засов. Причем бревна были очень даже толстыми – такие не повалит никакой ветер, да и людям пришлось бы постараться, вздумай они штурмовать хутор. Хотя, это уже мои большие фантазии – вряд ли бы кому пришло в голову атаковать одинокое хозяйство посреди глухого леса.

Внутри частокола находилось несколько построек. В первую очередь я обратил внимание на длинный сарай, в котором соседствовали куры и самые обыкновенные козы. А вот внешний вид пернатых отличался от земных, насколько я мог судить. Эти птицы имели более толстые ноги и мощные крылья, одно из которых у всех до одной было сломано – чтобы птицы не улетели, если я правильно понял. Сбоку к сараю было пристроено стойло, в котором топталась единственная лошадь гнедой масти.

Еще одной постройкой рядом с сараем был склад – там Скел хранил инструменты, различные вещи и тьма знает что

еще. За ним виднелся нужник типа «клозет» – обычная деревянная будка, в которой зимой запросто можно отморозить задницу и... Ну да ладно, сейчас тепло, и мне это не грозило. Напротив склада был выкопан крытый колодец с воротом – точно такой же, какие я видел в деревне, где вырос мой отец.

Еще рядом с домом находился навес, закрытый с трех сторон деревянными досками – под ним приютившая меня семья хранила дрова. Ну и главным, на мой взгляд, строением хутора, была баня. Она спряталась чуть поодаль, за несколькими аккуратными деревьями (видимо, посаженными вручную, ибо они разительно отличались по форме от виднеющегося за частоколом леса). Увидев аккуратный домик с небольшой трубой и сложенную рядом поленницу, я сразу сообразил, что это такое. Скел подтвердил мою догадку, когда вернулся с работы на поле, расположенного, по его словам, совсем недалеко.

Позже, когда я уже оправился от своих травм и начал помогать (по мере своих сил) Скелу по хозяйству, я узнал, что в сарае также стоят клетки с кроликами, а прямым за домом разбит немалых размеров огород. Но для этого потребовалось еще почти три недели!

По косвенным признакам я прикинул, что по индустриальному развитию местные дотягивают максимум до средневековья, и то – не факт. Весь инструмент был изготовлен вручную – лопаты, вилы, топор, ножи. Даже такому профану как я было понятно, что это не серийное производство. До-

статочно было сравнить два, на первый взгляд, одинаковых топора – при схожих размерах они отличались друг от друга формой и некоторыми мелкими деталями. То же самое я заметил среди лопат и ножей. Осторожные вопросы Скела подтвердили мои догадки – весь инструмент был выкован в кузнице ближайшей деревни.

Конечно, исходных данных было маловато, но я был почти уверен, что фабричного и мануфактурного производства тут еще нет. По крайней мере – в близлежащих окрестностях.

Впрочем, с тех пор как я встал на ноги и начал помогать Скелу в ведении хозяйства, остро встал другой вопрос, который я уже не раз задавал себе в этом мире – что мне делать дальше? Я слабо представлял план действий, пока валялся на нарах – главной задачей было выжить и не загнуться от какого-нибудь заражения крови. Умом я понимал, что никаких таблеток, а тем более – антибиотиков, тут наверняка нет. В общем то, единственное, чем меня лечил Скел – это припарки из каких-то трав и кореньев а также отвратительно горькие отвары и самогон. К моему счастью он, как оказалось, знал, что делать. Спустя определенное время раны на теле закрылись, ребра встали на место и вроде бы срослись, а правая рука перестала напоминать раздувшуюся кровяную колбасу. Правда, с ней возникло больше всего проблем – она ужасно болела. Сняв лубок в первый раз я чуть не блеванул – настолько отвратительно она выглядела.

Рука вздулась, кожа покраснела, а под ней явственно были

видны огромные гнойные мешки. Но, честно говоря, избавиться от содержимого желудка я попросту не успел – Скел, увидев такой расклад, тут же приташил две бадьи с водой, тряпки, травы и несколько ножей. Не успел я и рта открыть, как он взрезал первый гнойник, предварительно сунув мне в рот кожаный ремень. Это не помогло – орал я, к своему стыду, как девчонка. Ну а что вы хотели! Мало приятного, когда тебя полосуют острыми предметами «на живую»! Даже ради спасения жизни!

Но повторяюсь: Скел свое дело знал хорошо. Как он потом сказал, жизнь в Лесном краю многому учит – поэтому процедура «очистки» не заняла много времени. Обработав вычищенные гнойники спиртом, и приложив к ним разные комбинации трав, он снял лубок, а затем перебинтовал раны, буркнув что-то вроде: «Если через пару дней не станет лучше – отрубим руку».

Сказать, что от такого поворота событий я опешил – не сказать ничего. Я не был готов к ампутации руки! Да и кто к такому готов, скажите?! Так что следующие несколько дней я молился всем богам, каких смог вспомнить, только бы они оставили мне конечность. Может быть, эти молитвы помогли, может быть – судьба сжалилась надо мной – не знаю. Но когда мы сняли повязки в следующий раз, новых гнойных образований не было, а под припарками кожа и мясо приняли нормальный, по словам Скела, цвет. Так что еще некоторое время я обрабатывал израненную руку самогоном и ук-

сусом (оказалось, что в этом мире он есть, хвала небесам), а потом и вовсе снял повязки.

Очень быстро я понял, что быть нахлебником мне не хочется. У Скела и его жены всегда была работа, а пока они ухаживали за мной – многое пришлось отложить. Как рассказал мужчина – несколько недель назад наступило лето, поэтому пришла самая пора для расчистки леса под еще одно поле. По его словам – задумал это он давно, да вот в одиночку очистить даже десяток квадратных метров земли от вековых деревьев – задача не из простых.

Вот я и взялся помогать хозяину хутора, как только каждый шаг переставал отдаваться болью в районе груди. Сначала Скел доверял мне не слишком сложную работу – обрубить сучья, оттащить их в кучи и сжигать, следя, чтобы окрестный лес не вспыхнул. В первый раз увидев в его руках кресало и огниво я усмехнулся, вспомнив свою первую ночь в этом мире и то, каким варварским методом я добывал огонь. Сейчас сделать это было на порядок проще.

Сам же мужчина валил лес. Да так, что только щепки летели. Несмотря на уже довольно внушительный возраст, топором Скел махал как заведенный. Делал он это, сняв длинную рубаху – под ней обнаружились тугие жгуты мышц на торсе и руках. Таким бы позавидовал любой тридцатилетний парень из моего мира. При этом мужчина не выглядел «качком», но в выносливости и силе мог дать фору многим, как я подозреваю. Как выяснилось позже, в одном из разговоров,

ему было тридцать зим. Не скрою, меня эти цифры очень удивили – невозможно быть стариком в тридцать лет (зим)! Но позже я узнал, что местный год гораздо длиннее земного.

Приятным фактом было то, что здесь не обитало огромное количество мошкеры, гнуса или комарья – даже не смотря на близость реки. Когда я спросил об этом Скела, он недоуменно пожал плечами. Хм, видимо, в этом мире такие насекомые если и были, то обитали где-то в других местах. И это несказанно меня радовало.

Со временем я стал заниматься более серьезными вещами – выкорчевывать пни, помогать Скелу пилить дрова и возить их на хутор с помощью кобылки, ставить садки в реке, которая текла совсем недалеко и, самое главное – охотиться.

Вот это занятие было мне по душе. В детстве отец частенько брал меня на охоту. Да-да, знаю, в современном мире такое откровение может вызвать ужас у огромного количества людей. Как же так – убивать ни в чем не повинных зверей!? Да еще и заставлять ребенка делать это – ужас! Не знаю почему, но я никогда об этом не задумывался. Наверное, потому, что отец очень быстро объяснил мне, что охота – это не развлечение, а обычный вопрос пропитания. Согласитесь – вы же не переживаете, когда заказываете бургер в любимой кафешке или готовите курицу, купленную в соседнем супермаркете? А между тем, это очень жестоко – выращивать животных в промышленных масштабах, чтобы забить их и освежевать, а потом отправить в магазин.

Мы с отцом никогда не добывали больше мяса, чем было необходимо. Теми же принципами руководствовался и Скел, с той лишь разницей, что охотиться нам приходилось с луками. Признаюсь честно – поначалу я не представлял, как вообще можно попасть в зайца, улепетывающего в высокой траве? Но после нескольких недель (я и сам не заметил, как много времени прошло с тех пор, как я очутился в этом мире) тренировок я наловчился, и однажды мне удалось подстрелить оленя с пятидесяти шагов. Правда, не слишком удачно – несколько часов мы со Скелом выслеживали его по кровавому следу, чтобы добить и избавиться от мучений (стрела попала ему в бок, пробив желудок и задев несколько вен) а потом разделявали его прямо в лесу. Обрато ташили уже мясо и шкуру на волокушах и когда, наконец, оказались дома – я обессилено рухнул на свои нары и отказался даже ужинать – настолько меня утомили события того дня. А вот Скел выглядел очень довольным.

К слову, мужик оказался отличным рассказчиком – практически каждый вечер мы с ним беседовали на самые разные темы. Я с жадностью расспрашивал его о том мире, который был для него родным, а он с удовольствием мне отвечал.

Так я узнал, что в Аластонском королевстве уже десяток лет бушует гражданская война. Впрочем, бушует – скорее, образное выражение. Тянется – это да.

Все дело в том, что западная часть государства, где находилась столица, очень требовательно относилась к востоку.

Оказалось, что его присоединили к королевству не так уж и давно – тридцати местных лет пройти не успело. Раньше эта местность звалась Вольными землями, и правитель, который в то время восседал на троне, остро нуждался в новых землях – под поля, скот, да и залежи железной руды (и других полезных ископаемых, включая уголь), щедро раскиданные по всей равнине вплоть до Лесного края, были ему нужны.

Вот и устроил Гейдрих Пятый масштабный поход, очень быстро увенчавшийся успехом. Казалось бы – все прекрасно. Старые города оказались захвачены, новые форпосты и крепости – отстроены, ровно как и дороги. Вот только жители Вольных земель не привыкли платить налоги, что называется «за бугор», да и постоянное присутствие чужих военных частей, которые вели себя как полноправные хозяева здешних земель, не способствовало налаживанию дружеских связей. Вот и объединились несколько крупных городов в один альянс – и нанесли сокрушительный удар по ключевым точкам, на которых была завязана экспансия Гейдриха. А потом получили такой же болезненный ответ. Тогда все и завертелось

Было это давно, и с тех пор между Вольными землями и Аластонским королевством шла долгая и непрекращающаяся война. То в одни, то в другие руки переходил рудники, города и крепости. Много крови было пролито за эти годы, но одержать верх не удавалось ни тем, ни другим. Причем обе стороны прекрасно понимали, что постоянно враждой

можно навсегда опустошить земли, дающие столь много природных богатств. Так что и король Аластонского королевства, и Совет Вольных земель (так называлось собрание наиболее влиятельных танов) изгалялись, как могли, чтобы переманить на свою сторону как можно больше жителей спорных территорий. Постепенно противостояние перешло в вялотекущие пограничные стычки, а основные победы одерживались с помощью интриг, подкупа и шантажа.

Скел был одним из людей, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях. Отслужив в армии Вольных земель более пяти лет, он плюнул на войну, получил причитающийся ему за службу кусок земли на самом краю обжитых земель, забрал жену и маленького сына и уехал в лесной край.

Так я узнал, что у хозяев, приютивших меня, есть сын. Правда, разговор о нем Скел поддержать отказался. Уже позже, когда мы с Розанной кормили сунков (тех самых кур, которых я заметил ранее), она призналась, что их сын поругался с отцом, когда вырос. Мальчик хотел отправиться на войну, чтобы «освободить Вольные земли от захватчиков». Розанна не знала, откуда у ее сына возникло такое желание. Подозреваю, что пацан, оказавшись оторванным от общества и какой бы там ни было цивилизации, просто хотел выбраться в мир, когда повзрослел. Пубертатный период, опять же...

Как бы там ни было, не получив одобрения отца, маль-

чишка увел из конюшни лошадь и ускакал к ближайшему городу, в котором находился вербовочный пункт. С того времени прошло уже три местных года. Парень, по словам Розанны, вырос и дослужился до офицерского звания. Он регулярно отправлял письма в ближайшую к лесному хутору деревню, и небольшие деньги для родителей. А Скел, со временем слегка остывший, забирал послания, когда оказывался там, и писал ответы сыну.

Могу понять, почему паренек сбежал – спустя несколько недель я и сам взвыл от тоски. Развлечений здесь не было абсолютно никаких – только работа, работа, и еще раз – работа. Нет, я не жаловался, и сполна хотел отплатить людям, которые спасли мою жизнь. Но при этом прекрасно понимал – вечно так продолжаться не будет. Да и как я уже говорил – мне очень быстро приедалось однообразие, а здесь его было в избытке. Ну и провести остаток жизни в диком лесу, где единственные собеседники – уже немолодая пара, тоже так себе перспектива. По крайней мере, для меня. Даже несмотря на все те теплые чувства, которыми я проникся к своим спасителям.

Наверное, они это понимали по моим глазам. С того момента как Розанна выловила меня, прошло уже пятнадцать недель. По земным меркам – три с половиной месяца. Признаюсь честно, до определенного момента я не обращал на прошедшие дни особого внимания – поначалу приходил в себя и очень много спал. Потом радовался возможности за-

няться хоть чем-то и ударился в крестьянский быт. Но как только начались затяжные дожди (по словам Скела, это происходило дважды за лето, которое здесь было гораздо длиннее того, к какому я привык) – я чуть было не рехнулся.

Сидеть в доме пришлось полторы недели, покидая его только для того, чтобы накормить животных да сходить в туалет. Ни о какой работе на деляне, в поле, огороде или лесу и речи не было – непрекращающийся поток воды неторопливо падал с неба, даже не думая останавливаться. Я весь извелся от безделья, и даже рассказы Скела меня уже не радовали.

Конечно, за это время я узнал много нового и интересно. Например, что в этом мире есть магия. Ничуть не удивительно, но по словам крестьянина, она тут была уделом избранных. Мало того, что нужен особый дар, чтобы ее использовать – так еще и обучение было делом ох каким непростым. Конкретно Скел ничего рассказать не мог, но поведал интересную историю, из которой я смог сделать кое-какие выводы.

Мужчина рассказал, что пока служил в армии, к ним в полк как-то раз прислали мага, недавно закончившего обучение. По его словам, тот умел плести всего несколько самых простых заклятий. И хотя поначалу всех удивляло и воодушевляло его умение зажечь костер с помощью одного лишь взгляда, буквально в третьей стычке с наемниками Аластонского королевства маг не смог остановить арбалетный болт,

пробивший ему легкое. Вроде бы паренька удалось спасти, но потом Скел его уже не видел, и к магии сформировал довольно предвзятое отношение – как к бесполезной вещи.

К моменту, как перестал идти дождь, Скел проговорился мне о том, что скоро собирается поехать в ближайшую деревню и спросил – не желаю ли я составить ему компанию? Разумеется, это предложение меня очень воодушевило, и я с радостью согласился. Когда еще доведется развеяться и развеять обстановку вокруг? Да и проще будет составить хотя бы примерный план дальнейших действий, когда станет понятно – чего ждать от этого мира?

По словам Скела, сразу после первого (и очень короткого «сезона дождей») в деревушке под интересным названием Корневище будет проходить традиционная ярмарка (опять же – одна из двух за длинное лето). Там он собирался продать излишки сушеных ягод, грибов, кое-какие шкуры, а взамен – прикупить необходимые вещи, которыми сам обеспечить себя не мог. Погода стояла прекрасная – ярко светило солнце и дул теплый южный ветерок. Так что, подождав пару дней, пока подсохнет дорога и лес, мы загрузили добро на продажу в телегу, запрягли в нее смирную кобылу и, попрощавшись с Розанной, отправились в путь.

Глава 6

До Корневища мы добирались целых три дня. Три дня в дороге, чтобы преодолеть каких-то несчастных шестьдесят километров (я мысленно перевел количество лиг, которые мне назвал Скел)! По не самой дружелюбной местности, хочу заметить.

Первый день мы потратили только на то, чтобы выехать на тракт, о котором мне ранее уже рассказывали. Действительно, было видно, что им пользуются – он был достаточно широк, чтобы разъехались две повозки. Но это была обычная грунтовая дорога – хоть и укатанная колесами телег и притоптанная копытами коней. Местами она довольно сильно поросла травой, и это говорило о том, что трактом хоть и пользуются, но достаточно редко.

– Мы едем в Корневище, а что в другой стороне? – спросил я у мужчины, умиротворенно сидящего на краю телеги.

– Там еще несколько деревень, куда как меньше той, куда мы едем, – махнул рукой мой спутник, – Знаешь, парень, я хотел поговорить с тобой кое о чем.

– О чем?

– О том, что ты ходишь безымянным уже невесть сколько времени. Не подумай, я не против, привык называть тебя «парень» – пояснил он, заметив мою кислую мину, – но люди в Корневище могут не понять. Да и ты, как я думаю,

не собираешься рассказывать всем подряд о том, что с тобой приключилось.

– Так и есть, – вынужден был согласиться я.

– Ну тогда слушай, есть у меня предложение. В Зальменцбурге, (это город на западе Вольных земель) у меня живет двоюродная тетка. У нее есть внук – примерно твоего возраста, да и похожи вы чем-то. Я тут прикинул – может быть, стоит тебя выдать за него? Спрашивать будут в любом случае, так я и буду отвечать, мол – был в ополчении, получил ранение в бою, еле выжил, и тетка отправила тебя сюда. Здоровье поправлять.

Я кивнул. А что, идея была неплоха. По крайней мере, не надо будет выдумывать себе легенду, в которую местные запросто могут и не поверить. А тут отбрехаться можно запросто – в случае чего, Скел подсобит.

– Имя-то у твоего племянника есть? – уточнил я.

– Как не быть, – усмехнулся мой спутник, – Дангар его зовут. Дангар, сын Койла.

Пока мой спутник рассказывал о том, что знал о своем племяннике, я думал о своем положении. Забавное совпадение – Денис, Дангар. Дэн, Дан.

– Дангар, – я попробовал, как звучит имя, – Рад познакомиться, Скел. Меня зовут Дангар.

Мужик посмеялся и пожал протянутую мной руку:

– Ну, значит решено.

На том мы и остановились. Ну а что – имя, как имя. А

мое и правда вызовет ненужный интерес – судя по рассказам Скела и именам, фигурировавшим в них, ничего близкого к нашим реалиям тут не было.

В дороге мы заночевали дважды – оба раза прямо на краю дороги, отъехав от тракта совсем немного. Первый раз нам удачно попался большой навес на кромке леса, а вот во время второй ночевки пришлось спать под открытым небом. Впрочем, я не имел ничего против – погода стояла теплая, а мы всю ночь напролет жгли костер, изредка просыпаясь, чтобы подкинуть в него хворосту. Он нам нужен был не столько ради тепла, сколько для того, чтобы отпугнуть вздумавших приблизиться к стоянке ночных хищников.

Кстати, сам тракт на протяжении всего пути прорезал огромный лесной массив, но иногда могучие деревья отступали от дороги, предоставляя место большим полянам и редким холмистым взгорьям, на которых разросся молодняк.

К Корневищу мы доехали в середине третьего дня. Признаться честно, я был просто поражен тем, что увидел. В моих фантазиях это была небольшая деревенька, окруженная частоколом – примерно таким, каким огородил свое хозяйство Скел. Но на деле все было гораздо круче.

Я сразу понял, почему у деревни такое необычное название. Едва мы выехали на очищенный от леса участок, мне в глаза бросилось невероятных размеров дерево, возвышающееся над остальными. Оно было действительно огромным – казалось, его крона подпирает небо! Понятие не имею,

сколько метров оно было в высоту, но явно больше сотни. Честно говоря, это растение напоминало, скорее, небоскреб из моего мира. А его корни... Они выбивались из-под земли во многих местах и, причудливо изгибаясь, по плавной дуге опоясывали дома, которые показались, когда мы подъехали ближе к поселению. Конечно, это был не сплошной массив – места, где корни уходили под землю были огорожены тем самым частоколом, о котором я думал. Но основной периметр закрывали именно корни. Толщиной в несколько метров. И как я прикинул – это были самые тонкие их части, находившиеся ближе всего к поверхности земли. Страшно представить, какие монструозные «крепления» держат этого гиганта и не дают ему упасть!

От такого зрелища я раскрыл рот, а Скел лишь посмеивался, глядя на меня.

– Как тебе наша гордость? – спросил он.

– Невероятно, – обалдело ответил я, не сводя взгляд с дерева.

– Я, когда увидел его в первый раз, также рот разинул, – усмехаясь в бороду произнес мой спутник, – теперь уже привык.

Мы неспешно подъехали к открытым воротам – рядом с ними торчали пятеро стражников в серо-желтой форме. Ребята были экипированы серьезно – каждый из них был одет в кольчугу и шлем с бармицей и вооружены копьями и короткими мечами. По бокам от ворот возвышались две крытые

вышки. На обоих стояли арбалетчики и внимательно разглядывали окрестности. Служивые будто ожидали нападения.

– Тут всегда такая стража? – тихо уточнил я у Скела.

– Нет, – ответил тот, – Обычно всего пара стражников стоит. Это на время ярмарки они видимость службы создают. Хотя не припомню, чтобы тут случилось что-то серьезнее пьяного дебоша.

Когда мы подъехали к воротам, нас остановил один из представителей закона. Подойдя к телеге, он скользнул по ней глазами и остановил их на мне.

– Здравствуй, Скел, – поздоровался он с моим спутником, не сводя с меня подозрительного взгляда, – Кто это с тобой?

– Приветствую, Ниссэн, – дружелюбно отозвался Скел, – Племянник мой, – и вкратце повторил легенду, которую ранее рассказал мне.

Удивительно, но стражники не стали проверять его слова, расспрашивать меня, пытаясь подловить на обмане, или требовать какие-либо документы. Судя по всему, моего спутника тут знали, и доверяли ему.

Въехав внутрь поселения Скел уверенно направил нашу телегу по одной из улиц, что тянулись от небольшой площади перед воротам. Я беззастенчиво крутил головой и глазел по сторонам – после стольких дней вне цивилизации мне было интересно абсолютно все.

Деревня оказалась немаленькой – дома здесь были сплошь одноэтажные, и каждый из них был огорожен забором, за

которым явно угадывались немаленькие участки земли. Все постройки оказались добротными и чистыми – было видно, что живут здесь основательные люди, не склонные к расхлябанному образу жизни. Разумеется, улицы не были вымощены камнями или брусчаткой – сплошь утрамбованный грунт. Зато по бокам «проезжей части» тянулись деревянные помосты. Я усмехнулся – надо же, тротуары!

В центре деревни, как я и предполагал, возвышалось то самое дерево. Даже не представляю, каким был диаметр его ствола – метров тридцать, наверное. И оно было очень старым, это было заметно. Кора темно-коричневого, почти черного цвета. А ближайшие ветви начинались примерно метрах в сорока над нашими головами. Я задрал голову, пытаюсь прикинуть высоту этого гиганта – безуспешно. Страшно представить, что тут начинается, когда дерево сбрасывает листья.

Последнее замечание я произнес вслух и Скел пояснил, что шейор (именно так называлось это невероятное растение) никогда не сбрасывает листья. По крайней мере, такого не было ни разу с тех пор, как тут основали поселение.

Вокруг шейора домов не было – ровным кольцом гиганта опоясывала главная площадь деревни. Тут виднелся помост, стояло множество навесов, тентов и палаток. Да и дома, расположившиеся на первой линии этого кольца, были сплошь двухэтажными – таверна, дом магистрата, несколько торговых лавок. Чуть поодаль виднелась кузница.

Вот тут-то меня и «накрыло» в первый раз – сразу, как только я обратил внимание на эти строения. Над таверной висела деревянная вывеска, на которой была изображена кружка и задравший голову сунк с гребнем. Любому дураку было понятно, что здесь можно поесть и выпить, но специально для грамотных внизу вывески кто-то написал слово «Таверна» на местном диалекте.

Стоило мне лишь краем глаза зацепиться за эту надпись, как незнакомые буквы и закорючки подернулись легкой дымкой, поплыли и перестроились в понятное мне слово. От неожиданности я чуть было не свалился с телеги, в последний момент сумев взять себя в руки. Скел, степенно беседующий с одним из своих многочисленных знакомых здесь, ничего не заметил, а я решил проверить – не померещилось ли мне это?

Найдя глазами еще одну вывеску (на этот раз над входом в дом портного, судя по ножницам и катушке ниток), я убедился в своей правоте – незнакомая надпись за секунду превратилась в понятную! Ну и ну! Вот теперь до меня начало потихоньку доходить. Возможно ли, что наемники Черного Пса и Скел с Розанной говорили далеко не на понятном мне языке, а на том, что принят здесь? Судя по тому, что сейчас произошло – так оно и есть! А мой мозг, по всей видимости, просто автоматически переводил неизвестные мне слова на русский язык! Но как, как, черт побери, это возможно!?! Ведь я не изучал их язык! Значит, перевести и понять

его тоже не мог, тем более – автоматически, даже не задумываясь! Неужели во всем виновато мое отклонение? А может быть – что-то другое? Магия?!

Это предположение заставило меня задуматься. Значит ли это, что в этом мире я буду таким же офигенным переводчиком, как у себя? Или нет? Как показали дальнейшие события, случай выяснить это представился мне очень скоро...

Для всех прибывших на ярмарку в Корневище были выделены как раз те самые навесы и тенты вокруг ствола шейора. Кто приехал раньше – занимал места получше. Кто позже – похуже, все просто. Ярмарка начиналась только завтра, но большинство ее участников прибыли загодя, надеясь отхватить более удачное и проходимое место. Кто-то даже не тушевался, и разворачивал собственные шатры прямо между заготовленным для торговли местом и окрестными домами. Нет, конечно, это был не огромный базар, но я насчитал три с лишним десятка «точек», которые торговали разными товарами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.